

Н.В.Ракуц

Миссия была невыполнима

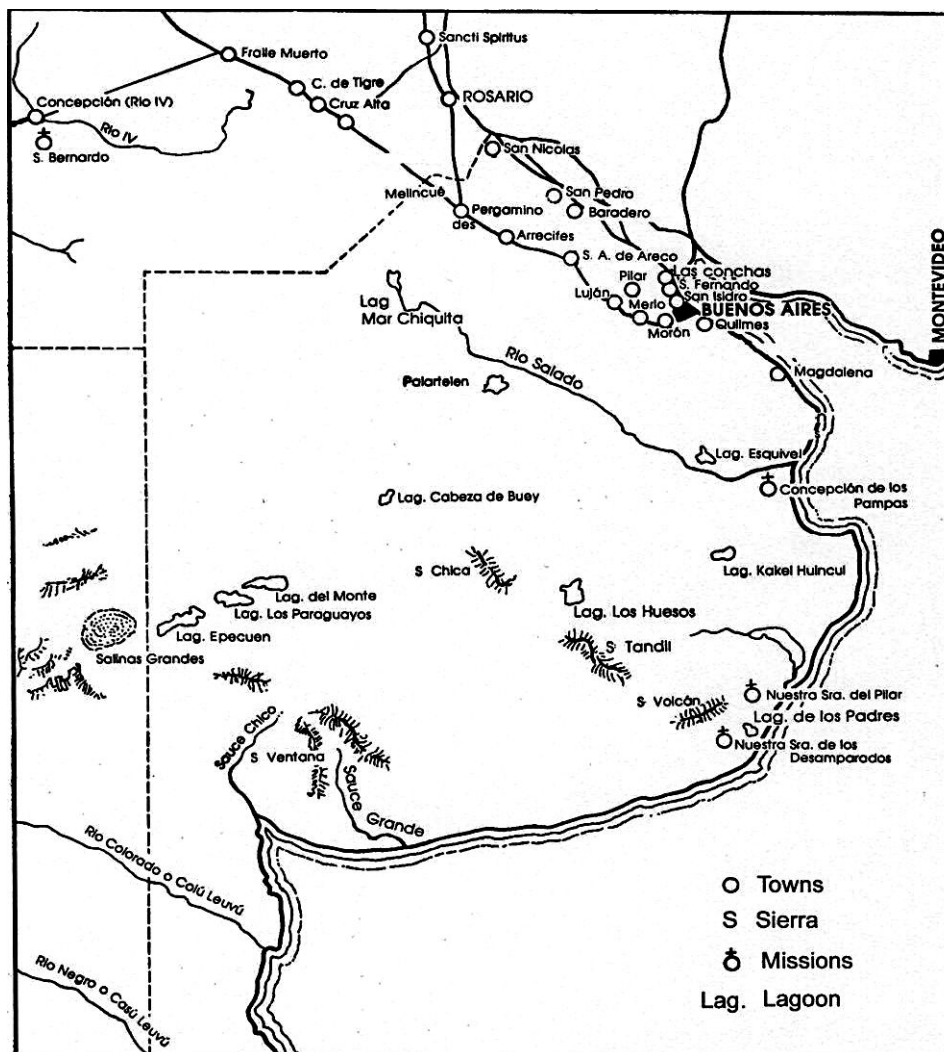
**Иезуитские редукции к югу от Буэнос-Айреса
в XVIII в.**

В статье рассмотрены вопросы, связанные с тремя иезуитскими миссиями, созданными в последний период деятельности ордена в Америке в середине XVIII в. к югу от Буэнос-Айреса. Анализируются причины их недолгого существования и неудачи всего предприятия в целом. Доказывается, что именно в условиях аргентинской Пампы миссии изначально были обречены.

Ключевые слова: иезуиты, миссии, редукции, индейцы, креолы, Пампа, Патагония.

К середине XVIII столетия Общество Иисуса на территории Южной Америки, в ее испанской части, имело целую сеть экономически процветающих редукций (т.е. индейских поселений, руководимых миссионерами) на землях современных Парагвая, южной Бразилии, северной Аргентины, восточной Боливии и в бассейне р. Ориноко¹. Головной болью испанских колониальных властей оставалась, однако, южная граница колониальных владений империи (на территориях современных Чили и Аргентины), население которых не удалось подчинить, несмотря на все предпринятые усилия, — не только чилийских арауканов, но и обитателей соседних земель Южного Конуса — Пампы и Патагонии. Причиной этого было то, что в землях Пампы и Патагонии никаких привлекательных для колонизаторов ресурсов (т.е. серебра и золота) не было. Кроме того, местные «дикари» на удивление быстро, уже в XVII в., если не ранее, освоили случайно завезенный испанцами скот, прежде всего лошадей, и превратились в конных охотников (наподобие индейцев «Дикого Запада» США) и в серьезных военных противников, даже при отсутствии у них огнестрельного оружия. При замене прежних луков на длинные копья и «болас» — метательное оружие из 2-3 каменных или свинцовых шаров, связанных веревками, — индейцы не только ловили скот, но и сбивали атакующих лошадей, опутывая им ноги, а то и самого всадника. Продвижение испанцев к югу от сов-

Николай Викторович Ракуц — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра культурологических исследований ИЛА РАН (Ychma@rambler.ru).

Миссии аргентинской Пампы

ременного Буэнос-Айреса в итоге застопорилось. Но надо было иметь в виду и то, что на эти земли имели виды и конкуренты Испании — Португалия и Британия. По крайней мере, так полагали испанские власти, а иезуиты, по своим соображениям, их в этом мнении поддерживали и предлагали активизировать работу по утверждению испанской власти в Патагонии. Кроме того, возникал вопрос о контроле над Магеллановым проливом. И тогда испанская корона вспомнила об иезуитах с их программой «духовной», а не военной к тому времени уже провалившейся конкисты неконтролируемых ею территорий.

В итоге иезуиты в 40-е годы XVIII в. предприняли попытку создать редукции на территории к югу от современного Буэнос-Айреса. Она сегодня считается неудачной, но представляется интересным разобраться в причинах этого провала миссионеров, до того доказавших успешность своих действий в других регионах Южной Америки (Парагвае, современной вос-

точной Боливии и на Ориноко). Проблема эта уже давно привлекает внимание многих исследователей Аргентины, Бразилии и других стран, но, как представляется на основе уже имеющихся исследований деятельности иезуитов Южной Америки в целом и в данном конкретном регионе, в частности, не может еще и до сих пор считаться окончательно рассмотренной, судя по продолжающейся вокруг нее полемике в аргентинской научной среде². Однако абсолютно ясно, что пампасская миссия иезуитов была изначально обречена на провал по многим причинам, к рассмотрению которых мы и перейдем.

До прихода европейцев территории Пампы и Патагонии были заселены группами охотников-собирателей, о которых до сих пор мало что известно. Мы не знаем даже их этнической принадлежности, поскольку такие известные в источниках названия, как пампа, пуэльче, серрано, аука, теуэльче и др., на нее и не указывают. Необходимо учитывать (чего не делали этнографы старой школы, возведшие эти названия в ранг этнических), что XVIII в. был «столетием классификаций», так что терминология неизбежно оказывалась путанной: одно и то же название могло применяться к разным группам и наоборот, одну и ту же группу могли именовать по-разному. Чаще всего за основу для присвоения названия брался географический фактор (район обитания), возможно — род занятий, но вряд ли языковой, потому что индейских языков испанцы не знали. Даже известный своим трудом о Патагонии иезуитский миссионер Томас Фолкнер пользовался, например, исключительно арауканскими (чилийскими) наименованиями, поскольку местные патагонские языки не освоил³.

Имеются свидетельства того, что еще до прихода испанцев обитатели аргентинской Пампы и Патагонии поддерживали активные товарообменные отношения как с близкими, так и с весьма далекими от них областями (Чили, северо-западная Аргентина в составе Инкской империи). Так, еще в 1582 г. испанцы отметили наличие у жителей пампы шерстяных одежд явно чилийской (арауканской) выделки, что свидетельствует о развитых и явно установившихся еще в доколониальное время контактах. С обретением лошади эти группы охотников-собирателей Пампы и Патагонии превратились, как долгое время считалось, в кочевых конных охотников, хотя на самом деле более правильно говорить о сезонном, полукочевом, по сути, пастушестве (коневодство, затем и овцеводство), сочетавшемся с охотой на одичавший европейский скот⁴. Но именно с последним к XVIII в. начались проблемы, о которых мы скажем ниже. Добавим, что появление лошади резко увеличило возможности передвижения на большие расстояния в довольно короткий срок, т.е. значительно возросла мобильность населения, ориентировавшегося на охоту и коневодство. Можно предположить, что с этим связан практически почти полный отказ от какого-либо земледелия в пампе, даже там, где оно прежде практиковалось. Это также заставляет вспомнить ситуацию с зоной прерий в США, где до обретения лошади существовало земледелие.

Контакты между малочисленными испанскими поселенцами и индейцами долгое время были sporadическими и не активными из-за бедности пампы в глазах колонизаторов. Правда, уже тогда индейцы успели ознакомиться с «благами цивилизации»: завезенный скот, алкоголь, парагвайский чай, мука, сахар, металлические орудия стали неотъемлемой и необходи-

мой частью их повседневной жизни. Предложить в обмен за все это они могли разве что шкуры, перья страусов, мясо, живой скот, соль, а также вымениваемые у жителей предгорий Анд ткани. Иногда, чтобы получить желаемое, индейцы даже нанимались на временную работу в эстансиях испанцев (скотоводческих хозяйствах) еще лет за 100 до прихода иезуитов. Эгалитарными обществами их уже для того времени (если не ранее) считать нельзя, поскольку имелись свои индейские лидеры, которые контролировали определенные пространства и ресурсы и стали поддерживать связи с Буэнос-Айресом. Испанцы же, по возможности, старались инкорпорировать эти независимые группы в колониальную систему через торговлю, дипломатию (подкуп вождей, включая присвоение им почетных званий, договоры). Колонизация, конечно, приветствовалась, но была тогда практически безрезультатной⁵.

Иезуиты давно пытались проникнуть в Пампу и Патагонию, поначалу со стороны Чили. Отчасти это было связано и с мифом, распространенном среди испанцев, о якобы существовавшем там некоем Городе Цезарей. Его в ходе своих экспедиций на юг искал еще в XVII в. даже известный иезуитский миссионер Николас Маскарди, что в конечном итоге стоило ему жизни. Но все попытки иезуитов основать миссию на стратегически важном участке — у озера Науэль-Уапи (сегодня там расположен аргентинский город Барилоче, ныне «прославленный» ищущими сенсации «писателями», точнее дилетантами от истории, как якобы последнее пристанище Гитлера) окончились провалом и гибелью всех пяти миссионеров, действовавших там в разное время (1652—1717 гг.). Редукция несколько раз гибла, но восстанавливалась, поскольку рассматривалась как важный центр для евангелизации методом так называемых «летучих миссий» (т.е. передвигавшимися от одной группы к другой миссионерами с целью убедить индейцев перейти к оседлости и к принятию затем христианства). Однако миссионеры при этом не понимали, что индейская пространственная система требовала подвижности, основанной на сезонных охотничьих циклах, поэтому «посадить на землю» их было невозможно. С этим же позже, но по неясным причинам, не имея информации от чилийских миссионеров, столкнулись и иезуиты в Пампе. Стремление же добиться оседлости индейцев объяснялось тем, что их мобильность лишала миссионеров возможности контролировать индейские общины в целях их аккультурации, не могла предотвратить контактов с испанцами (включая поставки последними алкоголя) и победить духовных лидеров, т.е. шаманов⁶. После 1717 г. редукция более не восстанавливалась. Последняя попытка была предпринята в 1766 г., но слишком поздно: годом позже иезуиты были изгнаны королевским указом из испанских колоний, и история миссии Науэль-Уапи на этом закончилась⁷.

В аргентинской Пампе, в окрестностях Буэнос-Айреса, еще в начале XVII в. для обеспечения города и его землевладельцев рабочей силой свои редукции пытались создать миссионеры-францисканцы. Эти редукции были небольшими (на 200-300 человек), руководил ими конкретный касик (вождь). Но индейское сопротивление (бегство из редукций, восстания при поддержке «язычников», нападения незамиранных групп, простая нехватка кадров — один священник на несколько редукций — покончили с этим мероприятием примерно к 1630 г.⁸.

В 1684 г. иезуиты Парагвая, в орденскую провинцию которых входила и территория Ла-Платы, т.е. современной северной Аргентины, добились от короны разрешения на мирную колонизацию Пампы для проникновения на юг и противодействия возможным попыткам португальцев и англичан закрепиться в Патагонии. Но бюрократические проволочки, а затем Война за испанское наследство (1701—1714 гг.) не позволили тогда иезуитам приступить к этому⁹. Ситуация на границе, однако, стала меняться после утверждения у власти в Испании в 1713 г. Бурбонов по результатам Войны за испанское наследство, а далее процесс изменений только ускорился. Из окраинного колониального захолустья Буэнос-Айрес ускоренными темпами превращался в важного поставщика продукции скотоводства на европейские рынки, начался процесс рыночного производства. И это резко обострило политическую ситуацию. Если раньше индейцы охотились на одичавший скот и вполне этим удовлетворялись, то теперь на него же, и во все больших масштабах, начали охотиться и колонисты-креолы, которые, к тому же, активно стали расширять территории своих скотоводческих хозяйств. В итоге усилился их натиск на индейские земли, а дикий скот из-за неумеренной охоты стал исчезать, обострилась борьба за жизненные ресурсы. Индейцы ответили на это переходом к практике набегов на колониальную окраину (начиная с 1734 г. ситуация особенно усложнилась), границы были незащищенными и открытыми, захватывается скот, теперь уже тот, что пасся на землях эстансий колонистов. Испано-креолы стали в ответ все чаще практиковать карательные экспедиции против индейцев, в результате чего резко возрос уровень конфликтности. Тем более, что креолы часто не разбирали, на кого нападали: например, вместо конкретных противников, догнать которых при их отступлении не получалось (индейские лошади были лучше), могли даже разгромить ничего не ожидавших «мирных», т.е. «союзных» индейцев. Ответ опять-таки не заставлял себя ждать: обиженные присоединялись к противнику, и нападения на эстансии приобрели регулярный характер. За десятилетие произошло 10 индейских набегов. Цели они, при этом, преследовали разные: контроль над действиями испанцев и пресечение враждебных акций с их стороны; захват скота, который затем переправлялся для продажи в Чили, где его покупали тамошние креолы, даже зная, откуда он доставлен; захват пленных обоего пола — мужчин использовали для охраны скота, женщин — как жен, за которых не надо платить. Кроме того, пленники были и источником престижа, и при случае могли быть обменены на что-то ценное¹⁰. При этом совершенно неожиданной для колониальных властей стала ситуация, когда под влияние давних контактов с Буэнос-Айресом, у индейцев произошли серьезные социальные трансформации: рос престиж индейских элит в результате накопления ими богатств (ведь именно они были главными посредниками в отношениях между индейцами и колонистами), и прежние независимые мелкие группы охотников стали объединяться вокруг сильных вождей, общины укрупнялись, и их средняя численность теперь составляла порядка 500 человек. Вождь, если у него получалось, все более закреплял свое положение, ибо теперь он должен был обладать в глазах своих соседей рядом новых качеств, например, владеть несколькими языками, иметь родственные связи с другими региональными вождями, уметь вести переговоры и с соседними общинами, и с испанцами в интересах

собственной группы, но соблюдая при этом известное равновесие между ними и требованиями креолов, в контактах с которыми группа была заинтересована и т.п.¹¹. Более того, в связи с ростом военной напряженности начали формироваться полиэтнические группировки, так называемые касикаты (вождества), и известно даже одно их более крупное объединение, сложившееся как раз в рассматриваемое время (так называемая конфедерация, т.е. союз нескольких касикатов, Браво), обладавшие значительной военной силой. Например, в случае объявления войны касики Браво созывали ополчения из нескольких, признававших их авторитет, групп, занимая положение своего рода генерал-аншефов (будучи при этом в глазах индейцев еще и главными переговорщиками с испанскими властями). Так, в 1739 г. касик Какаполь собрал для набега на испанцев более 1000 человек. Парадоксально то, что испанцы фактически сами создали себе столь сильного врага, долго стремясь к тому, чтобы для переговоров иметь дело с одним сильным политическим лидером вместо множества отдельных общинных вождей.

Вопреки традиционным утверждениям аргентинских историков все эти политические, а также экономические трансформации были отнюдь не результатом так называемой арауканизации Пампы, т.е. притока значительных групп арауканов-мапуче из соседнего Чили. Это произойдет позже, уже в XIX в. в результате Войны за независимость испанских колоний, и доставит Аргентине еще массу неприятностей. Но освещение этого вопроса выходит за рамки нашей темы. В веке же XVIII мы видим в Пампе некие полиэтнические объединения, включавшие традиционно известные испанцам так называемых пуэльче, теуэльче, серрано, пегуэнче и другие группы, объединявшиеся в некие неустойчивые союзы-конфедерации по обстоятельствам. Арауканы, кстати, в них тоже иногда входили, но тогда их в Пампе было еще мало. «Арауканизация» в то время носила, прежде всего, культурный характер: язык арауканов — мапудунгун — все более становился «лингва франка» Пампы вследствие роста интенсивности контактов, последний же определялся растущим интересом к торговому обмену. А с ним в Пампу пришли арауканские ткани, высоко ценившиеся как среди индейцев, так и среди колонистов, серебряные украшения и т.д. Судя по имеющимся данным, инфильтрация отдельных мелких групп арауканов в Пампу также происходила, а с ней — и установление родственных отношений с соседними иноэтничными группами. Но те же руководители конфедерации Браво по происхождению были из теуэльчей, т.е. патагонцев, что доказывает их проникновение в район Буэнос-Айреса много ранее появления там арауканов: сегодня даже говорят о «патагонизации» Пампы, предшествовавшей ее «арауканизации»¹². Резкий рост конфронтации между двумя обществами выявил неспособность испанских колониальных властей ответить на новые вызовы времени: набеги индейцев сопровождались разрушением эстансий, угоном больших стад скота и захватом пленных. Потребовалась смена стратегии защиты границы. В 1730-х годах была предпринята попытка создать систему пограничных фортов, но она прервалась из-за отсутствия средств и необходимого вооружения. Между тем реальная граница испанских владений тогда проходила всего в 150 км южнее Буэнос-Айреса по Рио-Саладо¹³. И тогда снова вспомнили об иезуитах. Но ситуация была уже совсем не той, что столетием ранее в Парагвае и на

других территориях. Конфликт королевской власти с Обществом Иисуса уже стоял на повестке дня, а креольское общество традиционно не любило иезуитов из-за их борьбы против принудительного труда индейцев. С другой стороны, южная граница, буквально в нескольких лигах от Буэнос-Айреса, оставалась практически открытой, и терпеть такое положение далее считалось невозможным. Но в то же время и закрыть ее совсем было не только нереально, но и нежелательно: испанцы были заинтересованы в поддержании экономических отношений с индейцами: от них хотели получать не только кожевенное сырье, но и соль, и очень популярные в Буэнос-Айресе тканые пончо. Все это привело к заключению мирного договора 1742 г., в котором содержался специальный пункт об организации пограничных ярмарок. Причем с индейской стороны его «подписал» ранее упоминавшийся касик Какаполь, глава (наряду со своим сыном Кангаполем) самой крупной индейской полиэтничной конфедерации Браво, контролировавшей так называемый Южный пояс пампы от предгорий Анд до окрестностей Буэнос-Айреса (своеобразный коридор, протянувшийся вдоль традиционного торгового пути, связывавшего эти два полюса через междуречье Рио-Колорадо и Рио-Негро¹⁴). Договор разрешал индейцам торговлю в приграничных пунктах на основании лицензии губернатора, а Кангаполя (обычная испанская практика подкупа вождей) наградили титулом военачальника с полномочиями защищать границы испанских владений от враждебных индейцев. Далее мы увидим, как он этим воспользовался. Но поначалу договор устраивал обе стороны¹⁵.

Но еще до того, как был заключен этот договор, в 1740 г., по просьбе нескольких индейских вождей, которые опасались возросшего влияния не состоявших с ними в союзных отношениях соседей и просили защитить их как от креолов, так и от враждебных групп индейцев, им была оказана поддержка губернатором Буэнос-Айреса, который, считая, что это даст ему возможность контролировать передвижения индейцев, поставил условием принятие последними миссионеров. Тогда же и была основана иезуитская редукция Нуэстра-Сеньора-де-ла-Консепсьон в 40 лигах южнее города. Ее первоначальное население составило всего 300 человек, да и те в большинстве своем вскоре откочевали на длительное время. Индейцы в данном случае выбрали «меньшее из зол» для своей защиты¹⁶. Отметим, что в договоре с Браво эта миссия упомянута в связи с тем, что ее обитатели признавались обеими сторонами вассалами испанского короля. Затем неподалеку от Консепсьон (см. карту), но еще южнее, иезуиты при активном участии известных миссионеров Томаса Фолкнера и Хосе Кардиеля основали также Нуэстра-Сеньора-дель-Пилар в 1746 г. (около современного г. Мар-дель-Плата) и поблизости от нее — Нуэстра-Сеньора-де-лос-Десампарадос в 1750 г. Первая редукция предназначалась для индейцев, именовавшихся пампа, другие, соответственно, для пуэльче/серрано и теуэльче. Последнее, кстати, хорошо показывает, что арауканов в окрестностях южнее Буэнос-Айреса тогда еще не было. Они участвовали в военных действиях против креолов, но жили еще (их называли аука) гораздо западнее (если название «аука» всегда прилагалось именно к арауканам, что, учитывая несовершенство тогдашних классификаций, вызывает сомнения)¹⁷.

Итак, миссии были созданы, но жизнь их оказалась на удивление многих недолгой (Консепсьон простояла 13 лет, Пилар — 5, Десампарадос — всего несколько месяцев), хотя причин для такого развития событий было более чем достаточно. Одна из них — безразличие колониальных властей к нуждам миссий, другая — недовольство креолов. Например, миссия Консепсьон, располагалась, с их точки зрения, все же слишком близко к городу и к их эстансиям, т.е. просто мешала развитию их хозяйственной деятельности. Так, из-за миссий креолы, согласно рапорту городского совета Буэнос-Айреса, утратили свободу заготовок леса в их окрестностях и даже потеряли свой скот из-за нападений индейцев. Индейцы, кстати, просили создать редукцию поближе в Буэнос-Айресу, исходя из своих интересов, — получение более легкого доступа к городскому рынку, что не входило в планы ни губернатора, ни иезуитов. В итоге индейцам пришлось довольствоваться лицензиями на посещение города для отдельных вождей и их свиты, выдававшимися миссионерами с благословения губернатора¹⁸.

Аргентинская пампа по своим условиям сильно отличалась не только от Парагвая, чью модель миссий попробовали применить и в новых областях, но и того же Чако: сезонные колебания климата и даже просто наличие воды, подвижность населения, не привыкшего к земледелию, оставляли мало надежд на создание оседлых поселений. Их-то и попытались создать в миссиях. Но индейцы и там предпочитали свои палатки-тольдо*, а в постоянных домах жить отказывались, тем более, что рассматривали свое пребывание в миссиях не иначе, как временное¹⁹.

При этом новые миссии оказались реально за пределами испанских колониальных владений, т.е. фактически на вражеской территории, и постоянно зависели от властей Буэнос-Айреса буквально во всем — в плане снабжения, защиты и т.д. Таким образом, даже при известной их удаленности от города, желаемой изолированности миссий от испанского населения добиться оказалось невозможно. Пришлось, например, даже просить губернатора прислать в редукции постоянную охрану (до 15 солдат в каждую)²⁰.

В глазах властей миссии были средством замирения индейцев, чтобы со временем создать линию пограничных фортов, которая позволит колонистам закрепиться в регионе. У иезуитов также были здесь свои интересы, включая чисто экономические: редукции были поставщиками продуктов для колледжей (учебных заведений) и вышестоящих органов управления Ордена. Как показали дальнейшие события, реальную выгоду из создания редукций в большей степени извлекли именно индейцы, политическая логика которых состояла в простом постулате: использовать врага для достижения своих целей. Это они и делали на протяжении нескольких десятилетий, причем с немалым успехом. Например, использовали влияние иезуитов для освобождения своих соплеменников, арестованных под каким-либо предлогом (особенно по подозрению в участии в набегах на эстансии) властями Буэнос-Айреса. Кстати, подобные действия мэрии самим же колонистам позднее дорого обошлись, поскольку они нажили себе лишних врагов²¹.

* Толдо — переносное жилище индейцев степей Южной Америки: навес из шкур гуанако, натянутый на прямоугольный каркас. — *Прим. ред.*

Что внешне представляли собой созданные миссии? Вопрос сложный, тем более, что в современной Аргентине правительственные круги, несмотря на настойчивые просьбы археологов сохранить хотя бы руины редукций в качестве национального наследия, никакого интереса к этому не проявляют. В результате в нашем распоряжении имеется лишь краткое описание главной из редукций — Консепсьон, просуществовавшей дольше других, — 13 лет. Миссия Консепсьон только к 1746 г., т.е. через шесть лет после ее основания, стала походить на традиционную модель редукции: центральная площадь, церковь, дома для индейцев и т.д. Даже в каком-то смысле напоминала форт: эта редукция была единственной, которая имела защитные сооружения — ров, артиллерийскую батарею (целых 2 пушки). Но само строительство миссий велось силами отнюдь не местных индейцев (их эта работа просто не интересовала), а привезенных издалека парагвайских гуарани или местных испанцев и метисов. Индейцы же, те самые, которые пригласили миссионеров и, казалось бы, должны были быть заинтересованными в редукциях, участвовать в их строительстве не хотели, разве что за достойную, с их точки зрения, плату. Сказалось то самое влияние колониального рынка²².

Отсутствие описаний двух других миссий может свидетельствовать о том, что с учетом их недолгого существования они, скорее, могли быть похожи, например, на миссию Сан-Хавьер в Чако, описанную миссионером Флорианом Пауке в его труде. Вероятно, они напоминали обычное индейское стойбище с некими строениями, выполнявшими роль церкви, жилища миссионеров в условном центре, а рядом — индейские тольдо. Никаких улиц и кварталов, как в Парагвае, Мохос и Чикитос, там не было, как не было и защитных сооружений²³. Можно ли было в таких условиях организовать жизнь в редукциях по образцу парагвайских? никоим образом. Это быстро поняли и сами иезуиты. Начать с того, что миссии были созданы на территориях, за право эксплуатировать которые боролись как различные индейские группы, так и колонисты. Земли, богатые дичью, привлекали всех. Понятно, что у иезуитов не было выбора — миссии нужно было обеспечивать (а земледелие в них организовать не удалось, только эстансии). Но в итоге они либо невольно должны были вступить в конфликт с теми группами, которые ранее традиционно использовали эту территорию, либо платить за свое пребывание на ней (как снабжали подарками того же касика Кангаполя, который считал земли миссий «своими»).

Прежде всего оказалось невозможно создать редукции с постоянным населением. Из миссий индейцы регулярно отправлялись в охотничьи экспедиции, и остановить это естественное передвижение населения в поисках пропитания возможности не было, поскольку провиант в миссии если и доставлялся, то нерегулярно, а собственного могло и не хватить, даже при наличии у каждой миссии своих эстансий. В результате миссионеры были вынуждены санкционировать подобные экспедиции, из которых ушедшие могли и не вернуться, тем более, что такие походы были связаны не только с охотой, но и с соперничеством за контроль над богатыми скотом территориями, поездками за товарами для торговли и конфликтами на этой почве с другими индейскими группами и с испанцами. Случалось так, что, уходя из редукций, индейцы прихватывали с собой и ее скот. Что примечательно — это тоже индейская политика — редко уходили все сразу. Как

правило, один из «верных» касиков с некоторым количеством людей оставался в редукции, служа как бы гарантом возвращения ушедших индейцев (если не этих, то прихода других) в селение. И в то же время на подконтрольных миссиям территориях постоянно находились свободные индейцы, занимаясь отловом диких лошадей, с чем иезуиты мирились, чтобы не осложнять ситуацию. Как результат — постоянные контакты индейцев редукций с «язычниками»²⁴.

В Пампе миссионеры не смогли занять такого положения хозяев-контролеров, как в Парагвае, где они возвысили вождей за счет шаманов и создали новые структуры власти. Здесь, в условиях постоянной подвижности населения, сохранили свое влияние и те, и другие, а миссионер оказался в положении всегда всем должного донатора: без подарков его никто и не слушал, вплоть до того, что даже на мессу ходили, только предварительно что-то получив²⁵.

Индейцы, давно вошедшие в контакт с креолами, если даже и посещали церковь, хотя к проповедям относились, как к «сказкам», требовали, чтобы служба шла на испанском, а не на их родном языке. И для такого, казалось бы, странного, требования были свои причины. Дело в том, что в непривычных условиях и при весьма давней традиции контактов, отгораживаться от которых было уже поздно, роль миссий в Пампе оказалась совсем не той, что в Парагвае. Более того, как упоминалось выше, именно индейцы смогли фактически использовать их существование в своих целях. И это получилось вполне естественно, другого исхода событий и быть не могло. Когда индейцы приграничной полосы просили взять их под защиту испанских властей, они имели в виду не только получение защиты от соседних вождей, которые как раз в то время начали усиливаться (сказался тот же контакт с колониальным обществом, вызвавший начало процесса социальных трансформаций), но также и возможность получения совершенно конкретных выгод для себя.

Роль миссий южнее Буэнос-Айреса в итоге свелась к их функционированию в качестве скотоводческих хозяйств, торговых пунктов и источников снабжения, поскольку заставить индейцев работать, кроме как за плату, практически не удавалось. К тому же индейцы, по отзывам миссионеров, все были лентяями и пьяницами, а к принятию новой веры были совершенно равнодушны, и любое посягательство на традиционный распорядок жизни воспринимали, как «рабство». Индейцы находились в миссиях только до тех пор, пока там имелись провиант и другие нужные им предметы (в том числе оружие, которое официально продавать запрещалось, например, сабли), кроме того там постоянно толклись торговцы спиртным, чему иезуиты помешать никак не могли, ибо алкоголь являлся важной составляющей местных торговых отношений. Как не могли помешать и постоянным контактам обитателей редукций с «дикими» индейцами, за что колонисты обвиняли их в потворстве шпионажу последних, целью которого было нанесение вреда местным жителям²⁶.

Но миссии, однако, некоторое время устраивали всех, поскольку превратились именно в центр коммерции между индейцами и колонистами. Причем задействованы в ней были участники, зачастую обитавшие весьма далеко. Для индейцев, например, торговля кожами и пончо (ткаными накидками) приобрела в то время фундаментальное значение. Но если лоша-

ди, крупный рогатый скот и овцы у них были свои, то пончо они получали путем обмена на лошадей у групп, живших далее на западе (это могли быть как чилийские арауканы, так и культурно, но еще не этнически арауканизированные обитатели восточных предгорий Анд, воспринявшие именно чилийскую технику ткачества)²⁷.

Тем не менее могущественный касик Кангаполь, до этого просто вымогавший у иезуитов подарки (обходившиеся им весьма дорого) в обмен на сохранение миссий, счел, что в услугах таких посредников между ним и Буэнос-Айресом он более не нуждается. К тому же он полагал, что, собирая индейцев в редукциях, его лишают «вассалов». И Кангаполь перешел к активным действиям. Под его атакой пала сначала Десампарадос, просуществовавшая лишь несколько месяцев, затем в 1751 г. Пилар, а двумя годами позже по приказу губернатора была эвакуирована и находившаяся под угрозой захвата Консепсьон. На этом история южных миссий закончилась.

Почему же попытка иезуитов утвердиться в Пампе оказалась неудачной? Причин было много. В частности, упоминавшееся выше безразличие колониальных властей, хотя это и трудно понять, потому что они сами были инициаторами их создания. Но здесь необходимо учитывать противостояние королевской власти в лице губернатора и городского совета, представлявшего интересы помещиков. Последние же были категорически против миссий. И именно они добились своего в 1752 г. Тогда по инициативе городского совета губернатору была подана очередная, но очень большая антииезуитская петиция, в которой миссиям припомнили все: и давние обвинения в шпионаже в пользу «диких» индейцев, и контрабанду, которую организовывали якобы индейцы миссий, и укрывательство беглых подозреваемых в преступлениях. И, как уже было отмечено, в 1753 г. из-за реальной или воображаемой угрозы нападения Кангаполя последняя из редукций — Консепсьон — была эвакуирована по приказу губернатора.

Вероятно, сказалось то, что миссии в том виде, в котором они вынуждены были существовать, не оправдали возлагавшихся на них ожиданий королевской власти, которая просто перестала их поддерживать. Самым серьезным из обвинений, предъявлявшихся миссионерам, было то, что в пампе совершенно не удалась политика христианизации, вполне успешная в других местах. С другой стороны, индейцы, имевшие уже довольно длительные контакты с колониальным миром, стремились получить прямой, а не через посредников, доступ на рынок Буэнос-Айреса. А миссии находились далеко, к тому же на территории, которую могущественный тогда Кангаполь считал «своей» и присутствия чужаков не одобрял, даже обирая их при первой возможности²⁸.

В отличие от ситуации в Парагвае или в Мохос, или на Ориноко, куда иезуиты пришли в период, который можно определить как начало контактов, в Ла-Плате они были вынуждены действовать уже в условиях глубоко укоренившегося взаимодействия индейского и колониального обществ, что и сделало редукции в этих условиях неэффективными. И надо добавить, что, по непонятным причинам, не был учтен уже имевшийся отрицательный опыт создания чилийскими иезуитами редукции Науэль-Уапи. Возможно, здесь сказался просто недостаточный обмен информацией (или, по

неясным причинам, отсутствие такового) между иезуитскими провинциями Чили и Парагвая. Впрочем, независимо от этого, миссионер Х.Кардиэль еще в ходе своих экспедиций в Патагонию пришел к выводу, что избавиться от конных индейцев в миссии не удастся. И был в целом прав. Именно лошадь и соседство креолов стали, по его мнению, главными препятствиями в работе иезуитов²⁹.

Да, попытка создания иезуитами миссий на Южном Конусе не удалась. Она действительно была изначально обречена на неудачу. Но так ли уж неудачной она была, например, в плане научном (хотя об этом тогда вряд ли тогда кто думал)?

В качестве гипотезы можно полагать, что, убедившись в невозможности евангелизации в условиях Пампы (о чем писал Кардиэль), иезуиты, действовавшие по заданию испанской короны, чтобы оправдать свое присутствие, обратили особое внимание на научные описания известных им земель и их обитателей как основы для будущего освоения этих территорий. Неслучайно, что именно они совершили ряд экспедиций в Патагонию (Маскарди, Кардиэль, Фолкнер). Позднее, на основании данных других миссионеров деятельность иезуитов к югу от Буэнос-Айреса описал Хосе Санчес Лабрадор. Эти труды были и остаются до сих пор, и можно смело сказать, что останутся навсегда, одними из наших основных источников о прошлом Пампы и Патагонии XVII—XVIII вв. — ее населении и географии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCIAS

¹ Н.В.Р а к у ц. Иезуиты и индейцы в вице-королевстве Перу. — Латинская Америка, 2012, № 2 [N.V. Rakutz. Iezuity i indejtsy v vice-korolevstve Peru] [The Jesuits and the Incas in the vice-royalty of Peru]. *Latinskaya Amerika*, 2012, № 2; I d e m. Иезуиты в бассейне Амазонки. — Латинская Америка, 2012, № 3 [Idem. Iezuity v basseine Amazonki] [The Jesuits in the Amazon]. *Latinskaya Amerika*, 2012, № 3; I d e m. Раздавленная утопия: иезуитские миссии в бассейне Ориноко (XVII-XVIII вв.). — Латинская Америка, 2012, № 12 [Idem. Razdavlenaya utopiya: iezuitskiye missii v basseine Orinoco (17-18 vv.)] [A crushed utopia: the Jesuit missions in the Orinoco basin]. *Latinskaya Amerika*, 2012, № 12.

² E.A.N é s p o l o. Las misiones jesuíticas bonaerences del siglo XVIII, ¿una estrategia político-económico indígena? — TEFROS 2007, Vol.5, № 1.

³ M.C.B o h n M a r t i n s. Jose Cardiel: Uma viagem e um diario. — X Encontro Estadual de História. Santa Maria, 2010; L.R.N a c u z z i. Identidades impuestas en el norte de la Patagonia argentina (siglo XVIII). — *Historica* 1998, № 1.

⁴ R.H e r n á n d e z A s e n s i o. Caciques, jesuitas y chamanes en la frontera sur de Buenos Aires. — *Anuario de Estudios Americanos*, 2003, Tomo IX, p. 79; F.C a r l ó n. Liderazgos y organizaciones sociopolíticas indígenas en Pampa e Patagonia norte durante el siglo XVIII. — *Revista Colombiana de Antropología*, 2010, Vol.46 (2), p. 437; M.A.C a m p e t e l l a. At the Periphery of Empire: Indians and Settlers at the Pampas of Buenos Aires, 1580-1776. New Brunswick, Rutgers, 2008, p. 56.

⁵ M.C.B o h n M a r t i n s. Os bárbaros e a fronteira as missões austrais no século XVIII. — IV Encontro Internacional de História Colonial 2014a, p. 199—200; I d e m. Jesuítas e índios nas “missões austrais” uma experiência na pampa argentina (século XVIII). — *Revista História e Cultura*: 2014b: 239; F.C a r l ó n. Op. cit. p. 436, 439; J.A.C a m i l o d a S i l v a. A trajetória de Cangapol “O Bravo” e as conexões na fronteira bonaerense (século XVIII). — XVIII Simpósio Nacional de História. Florianópolis 2015.

⁶ C.P a g e. El proyecto jesuítico para la exploración y ocupación de las costas patagónicas en el siglo XVIII. — *Temas americanistas* 2013 № 30, p. 26-27; M.A.N i c o l e t t i. Jesuítas y franciscanos en las misiones de la Norpatagonia. — *Anuario de Historia de la Iglesia/ Pasmplona*, 2002, № 11, p. 217, 224, 226-227.

⁷ M.Ximena Urbina. La frustrada misión estratégica de Nahuelhuapi, un punto en la inmensidad de la Patagonia. Magallania, 2008, Vol. 36 (1), p. 5-30.

⁸ A. D e P a u l a. La comarca bonaerense y su proceso urbano (1580-1779). — IAA, Seminario de crítica — año 1993; E.A.N é s p o l o. Op. cit., p. 4.

⁹ C.P a g e. Op. cit., p.36—37.

¹⁰ J.A.C a m i l o d a S i l v a. A *agency* indígena na pampa bonaerense: o caso das missões de pampas e serranos. — Oficina do Historiador, Porto Alegre, EDIPUCRS, 2014, p. 1591-1592; I d e m. A trajetória de Cangapol “O Bravo” e as conexões na fronteira bonaerense (século XVIII). — XVIII Simpósio Nacional de História. Florianópolis 2015; C.M a r t í n e z M a r t í n. Las reducciones de los pampas (1740-1753) aportaciones etnogeográficas al sur de Buenos Aires. — Revista Complutense de Historia de América, 1994, № 20, p. 148-149, 152; M.C.B o h n M a r t í n s. Os bárbaros e a fronteira as missões austrais no século XVIII. — IV Encontro Internacional de História Colonial 2014a, p. 199-200; R.J.M a n d r i n i, S.O r t e l l i. Los “Araucanos” en las Pampas (c. 1700-1850). — G.Boccaro (ed.) Colonización, resistencia y mestizaje en las Américas (siglos XVI-XX). Quito, Abya-Yala-Instituto Francés de Estudios Andinos, 2002, p. 243; M.I g l e s i a s. Las misiones jesuitas al sur del Río Salado y la frontera bonaerense en el siglo XVIII. — M.Marzal, S.Negro (coord.). Un reino en la frontera. Lima, Quito, PUCP-Abya-Yala, 2000, p. 167, 171; M.L.C á c e r e s. Indígenas de la Región s.f., Ayacucho, p. 112. — Available at: www.ayacucho.gob.ar/turismo/pdf/indigenas_de_la_Region.pdf

¹¹ F.C a r l ó n. Op. cit., p. 458.

¹² J.A.C a m i l o d a S i l v a. A trajetória de Cangapol “O Bravo” e as conexões na fronteira bonaerense (século XVIII). — XVIII Simpósio Nacional de História. Florianópolis 2015; R.J.M a n d r i n i, S.O r t e l l i. Op. cit., 2002, p. 243-246; M.C.B o h n M a r t í n s. Indios Pampas nas Missões Austrais: Lógicas e Estratégias Nativas em Missões Jsuíticas. — Revista Ultramares, 2014, Vol. I, № 5, p. 103.

¹³ M.I g l e s i a s. Op. cit., p. 168; M.C.B o h n M a r t í n s. As missões de pampas ye serranos: uma experiência de fronteira na Pampa argentina (século XVIII). — Clio 2012. — Available at: www.revista.ufpe.br/revistaclio/index.php/.../144

¹⁴ F.A r i a s. Fronteras interétnicas en el espacio de las Pampas durante la primera mitad del siglo XVIII. — Anuario digital, 2011-2012, № 24, p. 130, 145.

¹⁵ R.H e r n á n d e z A s e n s i o. Op. cit., p. 82; J.A.C a m i l o d a S i l v a. A trajetória de Cangapol “O Bravo”...

¹⁶ M.C.B o h n M a r t í n s. Indios Pampas nas Missões Austrais... p. 104, 106; J.A.C a m i l o d a S i l v a. A *agency* indígena na pampa bonaerense..., p. 1593.

¹⁷ R.H e r n á n d e z A s e n s i o. Op. cit., p. 83; C.M a r t í n e z M a r t í n. Op. cit., p. 156—157; J.A.C a m i l o d a S i l v a. A trajetória de Cangapol...

¹⁸ M.C.B o h n M a r t í n s. Jesuítas e índios nas ” missões austrais”..., p. 239, 241; I d e m. Indios Pampas nas Missões Austrais..., p. 105; V.G.P e r g a m o, R.L.V a n e s a. Los jesuitas en el sudeste bonaerense: un aporte al estudio de las relaciones fronterizas en el siglo XVIII. — XI Jornadas Interescuelas/Departamentos de Historia. Tucumán, 2007; C.P a g e. Op. cit., p.46, 48; F.A r i a s. El subsistema reduccional jesuítico del borde oriental de las Pampas y su vínculo con los establecimientos productivos de Buenos Aires, 1740-1753. — Boletín geográfico, 2015, p. 69.

¹⁹ C.M a r t í n e z M a r t í n. Op. cit., p. 148; M.C.B o h n M a r t í n s. Jose Cardiel: uma viagem e um diário. — X Encontro Estadual de História. Santa Maria, 2010; A.Y u n q u e. Hombres en las guerras de las pampas. La Habana, Gente Nueva, 1978, p. 8—9, 12.

²⁰ E.A.N é s p o l o. Op. cit., p. 16; M.P.I r u r t i a. Intercambio, novedad y estrategias: las misiones jesuíticas del sur desde la perspectiva indígena. — Avá, 2007, p. 150; R.H e r n á n d e z A s e n s i o. Op. cit., p. 86.

²¹ E.A.N é s p o l o. Op. cit., p. 29; M.C.B o h n M a r t í n s. Os bárbaros e a fronteira..., p. 205, 207, 209; R.H e r n á n d e z A s e n s i o. Como mies en la piedra... La aventura jesuita al sur de Buenos Aires. Trocadero, 2000—2001 p. 117—118; F.A r i a s. El subsistema reduccional, p. 68, 70, 72.

²² R.H e r n á n d e z A s e n s i o. Caciques, jesuitas y chamanes..., p. 81-82, 84, 87, 94; M.C.B o h n M a r t í n s. Jose Cardiel...; I d e m. Os bárbaros e a fronteira..., p. 203; I d e m. Jesuítas e índios nas missões..., p. 240-241, 244; V.P e d r o t t a. Acerca de las normas y las instituciones que deben velar por el patrimonio cultural bonaerense: el caso de la reducción de los indios pampas (Castelli). — II Congreso Iberoamericano y X Jornada “Técnicas de Restauración y Conservación del Patrimonio, 2011.

²³ F.P a u c k e 1942. Hacia allá y para acá. Tucumán. — Buenos Aires, Universidad Nacional de Tucumán, Institución Cultural Argentino-Germana. T.1, p. 169; M.C.B o h n M a r t i n s. As missões de pampas y serranos..., p. 121.

²⁴ R.H e r n á n d e z A s e n s i o. Op. cit., p. 95-96; F.A r i a s. El subsistema reduccional jesuítico..., p.: 70, 74, 77; M.P.I r u r t i a. Op. cit., p 153-154; E.A.N é s p o l o. Op. cit., p. 13, 15.

²⁵ R.H e r n á n d e z A s e n s i o. Op. cit., p. 89-90, 92; L.N a c u z z i. Los grupos nómades de la Patagonia y el Chaco en el siglo XVIII. — Chungara, 2007, Vol 39, № 2, p. 226; E.A.N é s p o l o. Op. cit., p. 21.

²⁶ M.C.B o h n M a r t i n s. Indios Pampas nas Missões..., p. 108, 110, 114; R.H e r n á n d e z A s e n s i o. Op. cit., p. 98, 105; I d e m. Como mies en la piedra..., p. 120.

²⁷ R.M a n d r i n i, S. O r t e l l i. Op. cit.

²⁸ R.H e r n á n d e z A s e n s i o. Como mies en la piedra; M.C.B o h n M a r t i n s. Indios pampas nas missões austrais...

²⁹ C.P a g e. Op. cit., p. 44, 47.

Nikolai V. Rakutz (Ychma@rambler.ru)

PhD in history, senior researcher, Center for cultural studies, Institute for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

The Mission Was Unrealizable (the Jesuit Reductions Southward of Buenos Aires in the 18th Century)

Abstract. The article deals with the problems related to three Indian reductions created in the last period of the Jesuit activity in America, in the 18th century southward of Buenos Aires. The causes of their short history and the failure of this missionary enterprise is analyzed, and the fact that precisely in those conditions of Argentinean Pampa the Jesuit mission were from the beginning doomed to fail

Key words: Jesuits, missions, reductions, Indians, Creoles, Pampa, Patagonia